

ЭТО — КАМЧАТКА

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

У кабинета ректора с утра до вечера стояла толпа. Выходивших из кабинета встречали в объятия, как на экзаменах. Только вместо оценок они выкрикивали названия городов и областей. Подошла и моя очередь.

— Где вы хотите работать?

— На Камчатке.

— Похвально. И почему именно на Камчатке?

— Ну, почему... Разве это имеет значение?

— Имеет. Комиссии хочется знать, почему будущий выпускник выбрал тот или иной район страны для своей работы. Случаен или не случаен выбор...

— Мой выбор не случаен.

— Но ведь это Камчатка. Край света. А вы южанин. Сможете ли там работать?

— Не знаю. Наверное, смогу. Там мой друг, и он ведь работает. Я ему обещал, что приеду.

— Если мы вас правильно поняли, то вы хотите ехать на Камчатку потому, что обещали другу?

— Да. Вы правильно меня поняли.

— Странно. Хотя, конечно, дело хозяйское. Распишитесь вот здесь.

И я расписался. Я — врач. Такая мне присвоена квалификация.

Но что же дальше? В дипломе написано: «Окончил по специальности врачебное дело». Что это за дело такое? Это же не дело — «врачебное дело». Надо выбирать одну из ста семидесяти трех узких специальностей. Надо все начинать сначала.

Что ж, ничего страшного, начнем. Главное, я врач. Не все, но многое умею. Не все, но многое знаю. Мой дед говорил: «Не бойся потерять, бойся не найти». Какой был бы ужас, если бы все эти шесть лет учебы я «не находил». Шутки шутками, а по крупицам собрал кое-что.

Камчатка представлялась моему воображению по-разному. То гейзером, которого я и в глаза не видел и не знал, как он

выглядит, то океанской волной, то морозом, то меховой шубой, то медведем. Но чаще всего я ее видел в образе Виктора Казьмина.

Виктор Казьмин. Три года прожили мы с ним в одной комнате. Не мыслили, как можно расстаться. Но расстались и прожили два года врозь, я — в Рязани, он — на Камчатке. Потому-то Камчатка и была для меня прежде всего Виктором Казьминым.

Я ступил на камчатскую землю, и тут же меня обнял Витя.

От аэропорта до Петропавловска-Камчатского полчаса езды, по никакой Камчатке я не увидел. Сплошной туман. Уму непостижимо, как мы приземлились.

Вечером с Витей пили спирт и закусывали красной икрой. Решали вопрос, куда мне пойти работать.

Приятно, конечно, стать хирургом. Ведь даже махровые обыватели, как правило, не верящие ни в Бога, ни в черта, ни в медицину, непременно оговорятся: «Другое дело хирургия. Отрезал, вылечил — и никакого обмана». Но... Лечебная физкультура. Спортивная медицина. Вот что должно стать моей специальностью. Спорт — моя давняя любовь, и именно в этой области медицины я смогу работать со стопроцентной отдачей. Так я решил. И если честно, то решил не сразу, не на Камчатке. Решил давно, еще в институте.

Утром отправился во врачебно-физкультурный диспансер. К обеду подписал договор. Вечером стал официальным жителем Крайнего Севера.

Частенько, входя в наш диспансер, который для меня стал домом родным, вспоминаю свой первый день работы. Я волновался. Готовился ко встрече с главным врачом. Даже почитывал накануне учебник Мошкова — вдруг задаст какой-нибудь вопрос. Но главный врач, Николай Николаевич Скурихин, основатель камчатского врачебно-физкультурного диспансера, никаких вопросов задавать не стал.

Он вручил мне синий рабочий халат вместо белого, к которому я привык в институте, и мы вдвоем месили цемент. Строили кладовую. Он меня похвалил:

— А ты хорошо работаешь. Теперь садись на грузовик и поезжай за гимнастическими стенками.

Я привез огромные, длиннющие гимнастические стенки. Вечером мы сверлили крепежные отверстия в потолке и в полу.

— Сам понимаешь, нам никак нельзя без оснащенного спортивного зала. Какая без зала может быть лечебная физкультура.

Я все понимал.

— А завтра будем стелить линолеум. Я уже достал. Все сделано своими руками. Может быть, поэтому так и дорог мне мой диспансер.

Телефонный звонок.

— Слушаю, — говорил я.

— Двадцать девять пятьдесят восемь?

— Да.

— Будете говорить с Москвой... Алло! Москва, Москва...

Ой, девочки, трясет, трясет!..

В трубке слышались гудки.

Я ничего не понимал. Но не понимал ровно секунду. Моя огромная люстра, сделанная из рыбацкого кухтыля — стеклянный шар в грубой сетке, — качнулась, как на корабле. Посыпалась штукатурка. На телевизоре у меня — огромный китовый позвонок, на позвонке — чугунная фигура штангиста, в вытянутых руках его вместо штанги — громадный краб. Тени от изогнутых клешней краба рисовали на стене кривые, как на осциллографе. Ходило и двигалось все в квартире.

Наконец земля утихомирилась. Тотчас же раздался протяжный звонок. Я поднял трубку.

— Двадцать девять пятьдесят восемь?

— Да.

— Простите, — раздался голос, как будто и не было землетрясения. — Простите, нас перебили. Говорите с Москвой.

Слышимость была отличная.

Почему люди едут на Камчатку? Разговаривал на эту тему с приятелем рыбаком, который окончил техникум в Астрахани.

— Зачем ты сюда приехал? Распределили?

— Да нет. Сам напросился. Почему? Трудно сказать. Почему, к примеру, парень женится на этой девушке, а не на другой?

— А в романтику ты веришь?

— Это как смотреть. Принято считать, что она начинается за Уралом. А у нас на флоте я встречал молодых ребят, для которых вся романтика — деньги на сберкнижку класть. Я думаю, романтика не в географии, а в нас самих

Романтика — в нас самих. Я в это верю.

Прочитал о враче, который сам себе вырезал аппендикс. И вспомнил Виктора Сизова. Молодой инженер-механик, недавно приехал на Камчатку из Ленинграда. Маленький, угловатый, на тонкой шее огромный кадык. Очень близорук, книги читает запоем. Его послали работать на самый Север, в Пенжинский район. Кругом на сотни километров — кочковатая, занесенная снегом тундра, длинные полярные ночи, неутрахающий ветер.

У его друга, который улетел в командировку в город, жена готовилась рожать. А в поселке даже медсестры не оказалось. Кто повезет женщину в райцентр?

— Ваня, — сказал Виктор знакомому камчадалу. — Готовь упряжку. Я поеду.

Посадил женщину в нарты, крикнул на собак — и помчался по зимней тундре в районный центр. А до центра — 80 километров. Мороз — за сорок, хиус идет; над дальней сопкой повис багровый, неправдоподобно огромный диск солнца.

Женщина тихо стонет. А он протрет очки, крикнет ей: «Держись, Люся, скоро приедем!» — и опять погоняет собак.

У подножия сопки начался рыхлый снег. Собаки, утопая по грудь, прошли немного, потом легли, виновато скуля и оглядываясь на Виктора. Он надел широкие, подбитые нерпичьей шкурой лыжи и пошел вперед, утаптывая тропу. Упряжка потянулась следом.

Ночевали в снегу. А утром снова на лыжи...

До райцентра оставалось километров пять. Вдруг морозный воздух прорезал женский крик. У Люси начались схватки. И родила она прямо на нартах, посреди Пенжинской тундры. А Виктор принял у нее ребенка, обрезал пуповину перочинным ножом, закутал мальчишку в оленью куртку. Потом встал на лыжи, взял ребенка на руки и пошел в поселок.

Так они и пришли — впереди Виктор с ребенком, сзади собаки с женщиной на нартах. И все живы здоровы.

Диалог, подслушанный на автобусной остановке:

— У меня дома есть красный помидор. Уже пять дней берегу.

— А у меня свежий огурец, тоже берегу.

— Давай поменяемся.

— На сколько дней?

Это — Камчатка.

Сегодня пришел пациент:

— Доктор, помогите! Пока болел, меня уволили с работы...

Причем просил так убежденно, словно заступничество входит в мои обязанности. Невозможно отказать.

И вот в свободное время бегаю по городу, звоню в различные учреждения, уговариваю, ругаюсь, прошу. А когда на очередном приеме пациент говорит: «Спасибо, доктор!» — я и досадою, и смеюсь. Доктор помог восстановить на работе несправедливо уволенного, отремонтировать квартиру, помиловать молодоженов...

Выходит, врач сродни депутату? Но, видимо, здесь есть какая-то внутренняя логика. Врач отвечает за здоровье пациента. А здоровье — это и отсутствие житейских неурядиц, и благополучие, и хорошее настроение.

В пьяной драке кто-то кому-то расквасил нос, сломал руку, а государство, — то бишь я, ты, — этому самому «пострадавшему» должно платить. С каким нахальством «алкаши» требуют больничный лист, ссылаясь на закон, который так хорошо знают!

После трех часов приема в поликлинике участковый врач ходит по домам. Чаще всего пешком. Иногда бывает до десяти и более вызовов. С ног валишься. А тут еще день сволочной: дует и дует.

У калитки меня встречает огромный, как теленок, пес. Минут десять бешеного лая — и из дома выходит пьяная ватага. Собутельники навестили больного и по пьянке решили пригласить врача, чтобы узнать, когда снимут гипс у друга.

Поднимаюсь на самую вершину сопки. У больного температура тридцать семь и две. Других жалоб нет. Спрашиваю: «Почему не пришли сами в поликлинику?». Отвечает: «На улице ветрено и скользко».

Надо же! И все это в один день. Как сговорились. С чемоданчиком в руке оскальзываясь на заледеневшей тропе, снова спускаюсь в город. Осталось два вызова. Спешу к ребенку. Регистраторша сказала — ничего внятного передать не смогли. «Очень плохо, и все». Стучусь. Хохочущий, краснощекий карапуз. Курчавый, как маленький Пушкин. В симпатичных ползунках ползает по богатому ковру и что-то мурлычет про себя. Рядом куча игрушек. Полчаса жду, пока мать выйдет из ванной. Наконец она «освобождается». Оказывается, что ребенок ночью спал не очень спокойно, вот она и решила...

Нет, это прекрасно, что ребенок вполне здоров. А то ведь выйдет — я злюсь только потому, что ребенок встретил меня,

врача, здоровым. Дай Бог, чтоб все дети никогда не болели. Но, к сожалению, Бог этого не дает. И дети болеют. И в нашей помощи нуждаются именно они. Больные. И дети, и взрослые. А иногда, к несчастью, потратив много времени впустую, не успеваешь к настоящему больному. Как не успел я именно в этот день.

У подъезда стояла машина «Скорой помощи». Через минуту я понял, что трагически опоздал. Не могу ручаться, что, приди пораньше, я сумел бы предотвратить несчастье. Хотя, кто его знает...

Но чего теперь гадать. Я не успел.

Нельзя, чтобы одни страдали от эгоизма и бессердечия других. Лечить бесплатно нужно больных, только больных, но не тех, кто спекулирует гуманным законом.

Горжусь, что в моей стране бесплатное медицинское обеспечение. А какое прекрасное слово «обеспечение»! Не то что торгашеское — «обслуживание»... Горжусь и сознаю величие гуманнейшего декрета Октябрьской революции. И никому не дано права опошлять его.

Обледенение судна — жуткая картина. Как бы ни был крепок мороз, у него не хватает силы, чтобы сковать льдом бурлящий океан. Но отдельная волна, навалившаяся на судно, — это уже не океан, это скорее черпак воды, который тотчас же превращается в свинцовую глыбищу льда. С каждым часом судно растет, пухнет, жиреет, и вот уже напоминает бесформенный айсберг.

Кажется, всему есть предел. Однако гора растет и растет и может в любую минуту опрокинуть судно, что, кстати, и случается с маленькими судами, которые врасплох застает ураган и мороз. Но когда собственная жизнь и жизнь товарищей зависят только от твоих рук, когда формула «один за всех — все за одного» из плакатного лозунга превращается в жизненную реальность, человек становится сверхчеловеком. И когда судно, превысив все конструкторские нормативы допустимого крена, наклоняется, да так, что черпает воду, которая уже не стекает, а превращается в уродливый каток, тогда человек не думает о прожитой жизни. Он лишь еще крепче сжимает холодный железный лом, чтобы не выпустить его из рук. А когда от мощного удара стремительно падает в пучину огромная ледяная скала и на борту начинают вырисовываться крупные буквы названия

судна, то в этот миг человек не может не улыбнуться милому контрасту: пятидесятиградусный мороз, ревущий ураган, черный океан, похожий на бесконечный город с многоэтажными домами из пенистых волн, и удивительно теплое слово «Узбекистан».

Это все-таки здорово, что судам дают такие теплые названия «Узбекистан», «Куба», «Кушка»...

Романтика, экзотика... Слова эти на Камчатке не пользуются популярностью. Здесь от них даже отмахиваются. Не в экзотике притягательная сила Камчатки, не в романтике. И не в деньгах. А то ведь на материке иногда думают, что Камчатка именно этим и притягательна. Нет, тут другое

Люди не только приезжают и уезжают, но и остаются на Камчатке. Остаются, как правило, крепкие. Крепкие телом и духом. Те, кто остается, — это и есть Камчатка.

Сказать, что Камчатка удивительная земля, значит, ничего не сказать. Но она действительно удивительна. Здесь нет ни одной лягушки, ни одной змеи, ни одного воробья, почти не бывает молний и гроз. Здесь цветы не пахнут.

Камчатка похожа только на Камчатку.

В местных газетах часто встречаю очерки о любви к «суровой и прекрасной Камчатке». Прикипело, мол, сердце к этой земле... Неубедительно. Скорее, назойливо и наивно.

Один мой знакомый — коренной москвич, приехавший на Камчатку после института по распределению, — три года жил в Петропавловске. И три года клял и холода, и пургу, и то, что цветы не пахнут, и что нет овощей и фруктов. Ждал окончания договора. Уехал... А через год вернулся. И виновато говорил: «Не могу в Москве, тянет сюда. Сам не знаю, чем это объяснить».

И снова ругал Камчатку.

Не люблю слово «засосало». Камчатка не болото. Когда я думаю, что мог бы не приехать сюда, мне становится не по себе. Мне кажется, что моя жизнь не имела бы смысла.

Разговаривал с заведующим Камчатским облздравотделом Колесниковым.

— Николай Семенович, я-то сразу приехал сюда по окончании института, по распределению, а как же вы сюда попали?

— И я по распределению. Только ты был студентом, а я заместителем министра автономной республики. Приказом министра здравоохранения СССР перевели сюда, но оговорились, в любое время могу вернуться назад. Вернуться! Не тут-то было. Я только здесь понял, что такое подлинное удовлетворение от работы.

Тринадцать лет Колесников отдал Камчатке. Перенес здесь страшную болезнь и тяжелейшую операцию. А уезжать не собирается.

Так вот она какая, Камчатка...

Побывал на Сахалине. Побывал как спортивный врач на соревнованиях горнолыжников. В жизни ничего подобного по своей красоте и ничего более захватывающего по своей зрелищности не видывал. Слалом и прыжки на лыжах с трамплина — излюбленные виды спорта у сахалинцев. Они построили уникальную спортивную базу с поэтическим названием «Горный воздух».

И, Бог мой, сколько ребятешек занимается этими мужественными и, скажем прозаически, полезными видами спорта! И сопки там какие-то уютные, устроенные, что ли. Люди берегут сопку. Берегут дни своего здоровья. И вот я снова дома. В родном Петропавловске-Камчатском. После Сахалина смотрю на наши сопки по-новому, с какой-то завистью. Ведь условия у нас лучше! Восемь-десять месяцев снег на городских сопках и все двенадцать — на Авачинской. Таким богатством на целом свете располагает только Камчатка. И вряд ли сегодняшние мальчишки и девчонки простят нам в будущем, что не сделали мы из наших сопки «сопки-лечебницы», «сопки-стадионы» и тем самым лишили многих из них звания мастера спорта, а может быть — кто знает! — и олимпийского чемпиона.

Даже летом, когда воздух порой нагревается до тридцати, температура воды в камчатских реках не превышает четырех-пяти градусов тепла. Какая бы ни была большая глубина, если приглядеться, можно увидеть дно с причудливыми камнями, разноцветными ракушками, снующими взад-вперед стремительными, словно маленькие ракеты, рыбами.

Порой можно увидеть целые стаи веселых, шустрых, немного неуклюжих мальков. Они плывут по течению, а скорее, течение просто несет их. Несет к морю, к океану. Они не зна-

ют, — а может быть, знают? — что через несколько лет будут возвращаться этой же дорогой, непременно этой и никакой другой. Они будут возвращаться огромными, как торпеды, пухлыми, пузатыми. Тяжело тогда смотреть на них. Мощными, гладкими серебристыми боками бьются они о камни, о берег, о дно, чтобы добраться до того самого места, где некогда из малюсеньких красных икринок-бусинок зародилась их жизнь, отвоевывают у реки сантиметр за сантиметром.

Как им трудно идти против течения в мелководье. Большие гладкие бока иссечены глубокими красными ранами. На перекатах, завалах скапливается уйма рыб. Тогда кажется, что холодная вода кипит. Летят брызги, песчинки, камушки. Рыбы бьются друг о друга, неистово рвутся вперед, переваливаются через камни, пни — преодолевают очередной барьер, чтобы дойти до заветного места, чтобы не погибнуть раньше времени, чтобы подарить океану тысячи подобных себе.

В той маленькой икринке, из которой они вышли, была запрограммирована вся их жизнь и даже — смерть. Отметав икру, рыба делает последние усилия, чтобы отойти подальше от места, где будет зарождаться жизнь. Зачем портить воду, травить ее своим разложением... она погибает на видном месте — где-нибудь на косе, на большом камне или у самого берега.

А к океану веселым потоком идет новая стая мальков, новое поколение. Жизнь продолжается.

Виктор Казьмин... Вот уже и кандидат медицинских наук. Единственный эндокринолог на Камчатке.

Поехали вместе на север полуострова в командировку. Самолет прилетел в поселок поздно вечером. Куда идти? Конечно, в больницу. Хорошо быть врачом. В любом населенном пункте страны есть место, где тебя приютят как своего.

Пока добрались до больницы, от собственного дыхания лицо покрылось сплошным инеем. Дежурная няня позвонила главному врачу. Пришла молодая розовошекая женщина, одетая в корякскую шубу. Проблема горячего ужина была решена тут же. Разговорились.

Говорили Казьмин и главврач. До этого они никогда не виделись, но услышь их незнающий человек, он бы подумал, что работают они бок о бок.

Их связывали больные, которых главный врач направляла на консультацию к областному эндокринологу. Они помнили

этих больных и говорили на каком-то особом языке. На языке фамилий и диагнозов. Они лечили одних и тех же больных, находясь друг от друга на расстоянии тысячи километров. Они никогда не виделись, не переписывались, но, казалось, знали друг о друге все.

Хирургия в вольной интерпретации — это рукоделие. Легко научиться «вышивать» несколько операций районного, так сказать, масштаба и довольствоваться этим всю жизнь, считая себя хирургом. Правда, никто не считает себя средним хирургом. Хирург — и всё. А ведь и знаменитый Амосов — хирург.

Районный терапевт может лечить инфаркт миокарда не хуже любого профессора, если, конечно, диагноз правильный. Ведь он не один. Рядом в многочисленных схемах и книгах — А. Л. Мясников, Е. М. Тареев, И. Б. Лихциер, И. А. Кассирский. Л. А. Варшамов. Вот и выходит, что лечат вместе.

А хирург — один. Один на один с больным. Вчера позвонили из районной больницы: хирург сделал грыжесечение, больной при смерти. Привезли умирающего в областную больницу. Выяснилось, что хирург перерезал мочеточник.

И вряд ли имеет смысл доискиваться до ошибки в ходе операции. Вина хирурга в том, что он не Мешалкин, не Амосов, не Пирогов, не Углов. Скажут — нелепо, не могут все быть Пироговыми. Да, не могут. Но речь не о том, что каждый хирург должен извлекать камень мочевого пузыря за две минуты, как это делал Николай Иванович Пирогов, а в том, чтобы быть хирургом пироговского плана. А это значит: пироговская честность, пироговская искренность, пироговская прямота к себе. Если всего этого нет у тебя, зачем же гоняться за модой и становиться хирургом?

В медицине нет и не может быть дисциплин модных и не модных. Врачами, как и солдатами, не рождаются, а становятся. Сделавшись врачом, надо еще сделать из себя специалиста. И вот тут надо думать не о том, подходит ли тебе специальность, а подходишь ли ты к специальности.

«Наша Машенька». Только так называет весь поселок эту старую седовласую женщину.

Мария Андреевна приехала сюда после окончания медучилища молодой, бойкой Машенькой тридцать лет назад. Да так Машенькой и осталась. Почти все население поселка и его окрестностей — по крайней мере все, кому до тридцати, а таких

большинство, — прошло через руки Машеньки. «Прошло» — в буквальном смысле этого слова.

Ее здесь любят и боготворят. А старухи считают святой.

Долго мы разговаривали с акушеркой Марией Андреевной — Машенькой. О людях говорила она, как поэты говорят о звездах, об утренней заре, о свежести росы. Я никогда с собой не ношу записной книжки. Неудобно как-то. Но когда мы простились с Марией Андреевной, я пожалел об этом. И чтобы не забыть сказанных ею слов, шел и повторял их: «Нет ничего красивее женщины, когда она рождает. Нет ничего прекраснее момента рождения».

Дома, просматривая свои записи, я обнаружил, что примерно такие же слова говорил однажды сам.

Милюково. Районный центр. Конец сентября. Всю ночь шел снег. С утра начало таять

Собрался идти в районную больницу. Грешно не повидать главного врача. Хотя прямого дела к нему и нет, однако — кол-леги.

Подойти к больнице оказалось не так-то просто. Грязь непролазная. Машины не доезжали до крыльца на несколько десятков метров — дальше застряли бы. Еле-еле добрался до дверей.

Стыдно было заходить в больницу, такая грязь на ногах. Однако не стоять же у входа. Зашел. Главврач глядел на мои резиновые сапоги и хохотал. Смеялся и я. Так и познакомились.

— Неужели нельзя было построить больницу, кстати, такую роскошную, в другом месте? Здесь же болото.

— Да, болото что надо. Канализация не работает из-за этого. Отопительная система из строя выходит. Уйму денег на ремонт всякие ухлопали. И все тщетно.

— Ну, а куда же смотрели раньше?

— Смотрели. Наша санэпидстанция писала наверх, предлагала строить в другом месте. Ничего не вышло. Строители заверили: ничего страшного. Ленинград, мол, построен был на болотах — теперь вон какой город стоит. Ленинград стоит, а больницу нам придется новую строить.

— А эту куда?

— А эта никуда не годится. Все гниет.

— Но ведь кто-то должен отвечать за угробленные деньги. Наверное, сумма-то кругленькая.

— Наверное, не меньше миллиона.

Он позвонил бухгалтеру, узнал, во сколько обошелся весь больничный комплекс, и спокойно положил трубку...

Пурга еще не стихла, но уже не та, не вчерашняя. Агонизирует. Время от времени промчится воюющий вихрь и заставит тебя, если идешь ему навстречу, повернуться спиной, вжав в плечи голову. Но парень в телогрейке, привязанный цепями к вершине столба, тянет провод голыми руками. С каким уважением смотрел я раньше на такую картину. Герои — и все тут, думалось мне. Сейчас подобное меня уже раздражает. Конечно, парень по-прежнему вызывает восхищение. Но только сам парень...

Нет такой пурги, чтобы не оставила у нас целые районы, а то и весь город, без света, без радио, без телефона. И вот ребята за короткие перерывы между метелями сращивают концы проводов, чтобы после очередной камчатской непогоды все начать сызнава. Сращивают без перчаток — в перчатках просто-напросто ничего не выходит.

Если бы камчатская пурга нагрянула вдруг на мой родной Степанакерт, то другое дело. Там люди не ждали такого и, само собой разумеется, не готовились. Но здесь-то, на Камчатке! Почему здесь, когда точно известно, что за зиму десятки и десятки раз будут бушевать ураганные ветры, все держится на честном слове? Неужели хронические ремонты обходятся городу, то бишь государству, дешевле, чем, если бы раз и навсегда все «подкрутили» с учетом самой что ни на есть страшной пурги?

Нет, меня не бесит, что эти строки я пишу при свече. Меня огорчает, что я уже перестал восхищаться нелегким трудом отдельных парней, возвращающих в наши дома свет и уют.

Бывает, услышишь какую-нибудь фразу, поговорку, при сказку и невольно вспомнишь знакомого человека. Профессора Рязанского мединститута Кириллова я всегда вспоминаю, как только услышу одно-единственное слово — шадить. Профессор часто повторял: «Нашему брату, врачу, надо научиться уважать глагол “шадить”».

Позже, во время прохождения курса усовершенствования врачей по терапии, я по-новому, как-то осознанно, что ли, воспринял другое слово, другой глагол — «сопереживать».

Думаю, не нужно, как это стало нынче модно, ссылаться на авторитет Даля, чтобы расшифровать смысл и значение этих слов, так хорошо дополняющих друг друга.

Щадить и сопереживать. Ведь это так естественно для врача, постоянно, ежедневно имеющего дело с человеческой болью. Не этим ли глаголам человечество обязано появлению анестезиологии, которая избавила людей от невыносимых мучений при хирургических операциях. Было время, когда инфицированные раны лечили каленым железом, предварительно оглушив больного дубинкой. И это, в известной степени, было проявлением гуманности, ибо врач, пусть варварским способом, но избавлял больного от жестоких болей, предупреждал шок.

Сегодня медицинская наука и техника располагают такими средствами, благодаря которым мы можем максимально соблюдать принцип «щадить и сопереживать». Наверное, настанет день, когда даже шприц будет считаться «дубинкой». Чего скрывать, как бы сестра искусно ни делала угол, все равно это боль. Хорошо, когда один укол, ну, два, ну, десять, сто даже... В конце концов, лишь бы, как говорится, цель оправдывала средства, лишь бы человек вылечился. Но как быть, когда число уколов переваливает за тысячу и не видно им ни конца, ни краю? Ведь это уже — дубинка, и без всяких там кавычек. Однако ничего не поделаешь, надо терпеть. Врач не пожелает больному плохого. Правда, не желать — это еще не все.

С Виктором Казьминым побывали мы в Усть-Камчатске. Он консультировал эндокринных больных. В кабинет вошла полная женщина лет шестидесяти. Сахарный диабет. Вот уже три года ежедневно, а то и по два, по три раза в день, старой женщине делают укол. Она уже не может смотреть на шприц. Она уже боится белого халата. Как школьница.

— Хорошо, бабушка, идите домой. Все, что нужно, вам сделаем, — сказал как можно мягче Виктор. — Я думаю, колоться мы больше не будем.

Бабушка, как назвал ее Виктор, вся засияла, разрыдалась от счастья, перекрестила доктора и, продолжая всхлипывать и вытирать глаза, вышла из кабинета.

Бог мой, что произошло потом. Я никогда не видел моего друга таким свирепым. Мухи не обидит, говорили о нем одни. Собственного голоса боится, говорили другие. А тут Виктор закричал.

— Вы изверг, — кричал он на районного терапевта, сидевшего рядом, — вас судить надо! Вам бы я спецовку разнорабочего даже не доверил, не то что белый халат!

— Что с вами, коллега? — спросила побледневшая женщина.

— Я вам не коллега!

— Что с тобой, Витя? — Я не мог не вмешаться, коль уж находился в кабинете.

— Да ты понимаешь, что она тут делает? Это уже третий больной. И все одно и то же. А это ведь люди. Живые люди, старые и больные. Неужели ей до сих пор не известно, что так не лечили уже в сороковые, если не в пятидесятые годы? Зачем колоть бесцельно людей, когда можно заменить таблеткой. И даже не можно, нужно. — Виктор уже не обращал внимания на районного врача, он ее не замечал. — Женщине шестьдесят лет, значит, она страдает, хочешь не хочешь, общим атеросклерозом. А раз так, значит, страдает атеросклерозом и поджелудочная железа, которая хоть как-то вырабатывает инсулин. А тут ей в бешеных дозах вводят инсулин извне, приносят бесчисленными уколами немалые страдания и в результате вовсе выключают функцию поджелудочной железы. А букарбан, принимаемый в таблетках, особенно стариками, способствует сохранению остатков склерозированной поджелудочной железы. Это же так просто.

— Ну, Витя, может быть, доктор не знала об этом.

— Как же она может не знать об этом?! Она ведь лечит людей. А об этом написано везде. Об этом не только специальная литература, но и «Медгазета» пишет. Как можно не знать? Зачем же она здесь?

— А это не вам судить, зачем я здесь, — сказала «она». — Знаем таких умников.

— Знаете что... — На Вите лица не было. — Я вас из-за этой женщины, которую вы столько лет мучили, презираю и не хочу этого скрывать. А теперь вызовите, пожалуйста, следующего больного.

«Шадить и сопереживать» — трудные глаголы.

За тридцать семь лет работы на Камчатке врач Андрей Степанович Сидорчук ни разу не проводил отпуск на материке. По крайней мере, так говорят все мои коллеги, и сам Андрей Степанович этого не отрицает. Женился в тридцатых годах здесь,

на Камчатке, и поговаривают, что это единственный зять, которого до сих пор не видела теща. На Камчатке у многих тещи материковые, но хоть раз в году они видят своих зятьев у себя дома. А этот и в отпуск не уезжал.

Хирург по призванию, охотник по натуре, он не мог отказаться себе в удовольствии во время длинного камчатского отпуска побродить с ружьем по полуострову. Ну, а Черное море — это для оранжерейных. Так считал хирург. И если на Камчатке есть своя хирургическая школа, то ее основателем является Сидорчук. Слава у него здесь такая, что ему могут позавидовать даже кинозвезды. Случилось однажды Андрею Степановичу оперировать важную иностранную персону. Этого господина доставили прямо из порта. Сложная операция прошла, как всегда, блестяще. Благодарный иностранец прислал в подарок хирургу какую-то фешенебельную машину. Сидорчук сменил ее на обычный «газик».

— Разве с этой лакированной куклой поедешь на охоту, да еще по Камчатке?

Вообще на Камчатке у меня очень много друзей-охотников. Но здесь они какие-то особенные, не похожие на охотников материковых. Словом, камчатские. Здесь, так сказать, классических охотничьих баек не услышишь. И это понятно. Ведь на Камчатке, к примеру, никто не осмелится вслух произнести пышно: «Страна огнедышащих вулканов». Засмеют. Так пышно пишут и говорят только приезжие.

Но то, что случилось с Николаем П., — это уже не охотничья байка. Есть даже документ — история болезни. И начинается она так: «Большой с женой и ребенком бродили по лесу, а навстречу шел медведь».

Был бы Николай один, — конечно удрал бы. Но тут семья. Николай сделал шаг вперед, протянул пятерню, как это делают, когда хотят погладить собаку, и стал выговаривать всякие нежности: «Ах, ты, моя лапонька, какой ты хороший, утю-кютю-кютю, трампадулечка ты моя, мишенька, моя лапочка...» И лапочка как-то по-своему оценил прилив нежности у странного человека, подал лапу. Погладили друг друга, баловались, боролись ласково, как кутята. Потом мишке, видать, все это надоело, он тихонько толкнул Николая в грудь и был таков.

Боевая ничья, если не считать помятых ребер и рану на груди.

Погода у нас — что мода. Меняется на глазах. За ней даже метеорологи не успевают.

На барже было десять человек. Среди них — женщина с ребенком. Никто не ожидал, что океан взбесится так неожиданно.

Баржа шла недалеко от берега. Крохотное суденышко подпрыгивало на многоэтажных волнах, словно бумажный кораблик в ручейке. Его бросало из стороны в сторону и все ближе и ближе пригоняло к берегу.

Потом мощным рывком океан подхватил трещавшую по швам баржу, поднял высоко на гребне и выбросил на каменистый берег. Изувеченные, измученные люди только здесь поняли, что небо сравнялось с землей. В море не всегда обратишь внимание на снег. Он падает, а его не замечаешь — кругом все черно. На берегу же совсем по-другому. Здесь и ветер другой, и даже мороз пострашнее. Пробиваться куда-либо в такую пургу бесполезно. Люди собрались в круг. Грели друг друга собственным дыханием, как это делают олени в табуне. Но слишком сильный был мороз. Слишком свирепым был ветер...

Откопала их поисковая группа. В самом низу, завернутые в девять телогреек, лежали мать с ребенком. Сверху они были укрыты телами матросов.

Мать с ребенком удалось спасти.

— Доктор, я уже несколько дней места себе не нахожу. Мне кажется, это конец.

— Что случилось?

— Неделю назад разболелся живот, да так, что хоть на стену лезь. Вызвали «Скорую», отвезла она меня в больницу. Пришел хирург. Потрогал меня, пощупал и говорит: «Это не наш живот. Ищите другое». Правда, сейчас у меня все прошло уже, но я никак не могу забыть эти слова — «не наш живот». От меня что-то скрывают?

— Успокойтесь. Врачи обычно так говорят. Хирург имел в виду, что симптомов для хирургической болезни он не видит, надо пригласить терапевта или другого специалиста. Но это очень длинно, и мы говорим: «не наш живот», «не наш больной».

Прошло много времени, а я все не могу забыть тот случай. Вот так разговариваем мы друг с другом, говорим вроде бы только для себя, но забываем о том, что и у больного есть уши.

Врачи провели интересное исследование. Они опросили две тысячи больных с самыми различными диагнозами. Оказалось, что 78 процентов из числа опрошенных никогда не занимались спортом. «Так только, баловались когда-то физкультурой. В школе, в армии».

Семьдесят восемь процентов. Цифра эта далеко не радостная для спортивного врача.

Я не открою Америк, если скажу, что медицина не такая уж бесплатная, как мы считаем иногда. Платит государство. Тратит громадные деньги. Так, может быть, есть смысл уже сегодня открыть в каждой области дополнительно десятки специализированных детских школ, где могли бы заниматься спортом не только так называемые одаренные, но все, в том числе и те потенциальные семьдесят восемь процентов больных? Конечно, болезнь есть болезнь. Бывает и такая, что бьет без разбора: и по мастеру спорта, и по хилому человеку. Но не об этом речь. Исключения, как мудро замечено, лишь подтверждают правило. Спортom должны заниматься все. Все без исключения. Не окупятся ли расходы государства с лихвой, если в будущем эти семьдесят восемь процентов, или даже половина из них вместо того, чтобы лежать в стационарах, будет трудиться?

Филигранным и сногшибательным операциям Кристиана Бернарда я предпочитаю все-таки предупреждение.

Опять эта жуткая статистика. Во Франции, Италии, Швейцарии обследованы несколько тысяч душевнобольных. Тщательный анализ тщательно собранных анамнезов показал, что абсолютное большинство из них так называемого «осеннего, пьяного зачатия» (термин не мой). Осень — пора свадеб, пиров, праздников свежего вина. Упаси бог, врачи-социологи вовсе не ратуют за то, что осенью не надо жениться, веселиться, любить. Дело не в сезоне. Многие больные вовсе не осеннего зачатия. Пьют, к сожалению, не только осенью.

А мы, врачи, и не только в своем кабинете, а так, в быту, в повседневности, чувствуем какую-то неловкость, какой-то стыд, когда нужно напомнить человеку о последствиях пьяного зачатия, о том, к каким трагедиям приводит дурная привычка современной женщины, готовящейся стать матерью, выкуривать хотя бы одну сигарету в день, пить хотя бы рюмку спиртного. Считаем жестокостью напоминать людям о печально известной кормящей матери, которая выпила кружку пива, и ребенок умер от алкогольной интоксикации. Ложный стыд противопоставляем здоровью поколения, нации, общества, государства.

Можно пить, веселиться в любое время года. Но нужно еще раз и навсегда запомнить: в день, когда можешь стать родителем, нельзя пить и капли.

Я врач и не могу не верить науке, научной статистике, моим коллегам. Душевнобольных сейчас в мире очень много. И не надо во всем винить век.

Борька Белозеров. Районный хирург. В мороз на санях спешил к роженице, которую могло спасти только оперативное вмешательство. Сани застряли в замерзших камнях. Когда Борис начал вытаскивать сани, упал огромный камень и размозжил ему ступню. Нogu зажало, как в тисках. Помощи ждать было неоткуда. Борис отрезал ступню. Наложил жгут на ногу и приехал в участковую больницу. Операцию сделал сидя. Спас мать и ребенка. Маленького, краснокожего, крикливого мальчишку тут же назвали Борисом.

Я написал рассказ. Сегодня прислали ответ: «...К сожалению, случай, о котором вы пишете, не типичный».

Как все-таки хорошо, что «случай не типичный». Дай бог, чтобы никто из моих коллег не пережил Борькиного «случая».

В своем врачебно-физкультурном диспансере мы проводим восстановительную терапию после различных операций. И вот уже сколько лет на вопрос: «Кто вам сделал операцию?» — я получаю неизменный ответ: «Сам Славницкий». Иначе больные эту фамилию не произносят.

За эти годы я легко научился распознавать, что называется, руку, почерк Вячеслава Николаевича Славницкого.

— Вячеслав Николаевич, вы были на фронте? — спросил я, когда мы познакомились.

— Да, всю войну.

— Я так и знал. Сразу чувствуется почерк фронтовика. Отлично оперируете.

— На фронте я был летчиком. А в медицину пошел после войны.

Поселок Сероглазка, реки Ольга и Татьяна... Посмотришь на карту Камчатки, и что ни название — своя история, и почти всякий раз история лирическая.

Красивая сероглазая девушка. Участница Петропавловской обороны 1854 года. Спасла жизнь не одному десятку раненых. Все ее звали Сероглазкой. Так назвали и поселок.

Говорят, геологи больше всех любят стихи. Наверное, это правда. Я знал камчатского геолога, который мог часами читать наизусть Пушкина.

На Кроноцком полуострове искали нефть. Рядом протекали две маленькие речушки. На карте они не были обозначены. Геологи, пользуясь правом первооткрывателей, по-своему проявили признательность великому Пушкину. Назвали безымянные речушки именами героинь «Евгения Онегина» — Татьяной и Ольгой.

Первооткрыватель — тоже поэт. Правда, их становится все меньше. Но они есть, пока есть такая земля, как Камчатка.

— И куда смотрели эти врачи? В детском саду проверяли, в школе ежегодно проверяют. А теперь вдруг — на тебе! — искривление позвоночника. А куда вы сами смотрели? Каждый день ребенок с вами, каждый день одеваете, раздеваете, купаете...

— Но ведь я же не врач! Поднялась температура — это одно дело, а искривление позвоночника... Тут я доверяю врачам.

Доверяю врачам... Не похвала — нет, упрек в наш адрес. Мы забываем (не то даже слово — забываем), что, кроме веры больного в нас, есть еще вера его родных и близких. И едва ли каждая ошибка врача может быть и их ошибкой.

Уверен, помни мы все время об этом, во много раз меньше приходилось бы произносить драматическое: «Опоздали».

Конечно, когда врач пассивен, какой же он врач? Но она была уж больно «активной». Прочтет что-нибудь в медицинской периодике, вся загорится: «Немедленно внедрить в жизнь». Прочла в какой-то статье, что сегодня не тот больной пошел, сегодня надо больному иногда (!) говорить правду, иначе трудно завоевать доверие... Вечером прочла, утром вошла в палату:

— Борис Николаевич, я знаю, вы человек крепкий.

— Какой же я крепкий, если лежу в больнице?

— Ничего, ничего. Вы крепки духом. И вы должны понять, что медицина — не таблица умножения, здесь все бывает. Мы лечили вас неправильно, диагноз был поставлен неверно. Сейчас будем лечить, как положено.

— Доктор, я, конечно, вас не спрошу, где гарантия, что сейчас диагноз поставлен правильный. Хочу спросить, сколько вы лет работаете?

— Двенадцать.

— Ничего, доктор, таблица умножения сначала всем дается с трудом.

Да, не тот нынче больной пошел.

Это было семь лет назад. Один из моих друзей позвонил на работу и попросил срочно приехать в больницу, где он лежал. Через полчаса я был у него. Оказалось, что хирург решил ампутировать ему ногу. Приятель, порядком намаявшийся с остеомиелитом голени, почти дал согласие на операцию. Родных у него не было, и после двух бессонных ночей, наполненных тревожными раздумьями, он решил обратиться за последним советом ко мне. Как-никак — нога. Не палец там какой-нибудь.

Разговор с хирургом у меня не клеился. Ампутация — это не по моей специальности. Куда легче было бы говорить, если бы я вовсе не был врачом. А то ведь он приводит мне доводы, и я как врач понимаю его. В таких случаях неспециалисту высказывать сомнения вообще неловко. На мой единственный, так сказать, контрдовод, для врача, надо признаться, довольно невежественный: «Все-таки ампутация, а не что-нибудь другое? Может, обойдется?» — хирург обиделся: «А кто вам, собственно, давал право сомневаться в моих знаниях?»

Пожалуй, на его месте я тоже обиделся бы. Меня беспокоила судьба моего приятеля. Но лечащего врача судьба больного беспокоила не меньше, чем меня. И коль он решился на ампутацию, значит, иного выхода не видел.

Все же, быть может, в нарушение врачебной этики, я обратился в облздравотдел, к главному хирургу. И операцию отменили. Лечили консервативно. Нога была спасена.

Я далек от мысли упрекать хирурга за его решение. Известны случаи, когда из-за нерешительности врача человек умирал. Но ведь хорошо известно и то, что каждый случай, за которым, естественно, стоит живой человек, нужно рассматривать индивидуально. Иначе научная медицина превратится в догму, в схему.

Прошло семь лет, и я бы не вспомнил об этом, если бы не одно обстоятельство. Хирург тогда обиделся на меня, посчитав, что я поступил как ябеда. Прошло семь лет, а обида у него, как я узнал, еще не прошла.

Неужели он не радуется тому, что бывший его больной ходит на своих ногах, без костылей? А ведь не радуется. Это точно. Видите ли, задели его самолюбие!

А вот слова из одиннадцатой заповеди врача: «Зависть, честолюбие, корыстолюбие и амбиция несовместимы с твоей профессией».

Другой случай. Больному назначили парафин на левое плечо. Отложение солей.

Сейчас этот диагноз стал очень модным. Она заснула. Проснулась через час от боли в сердце. Кричала, стонала, — никого рядом нет. Едва спасли.

Как выяснилось, главный врач в это время собрала всех в своем кабинете и проводила беседу по санитарно-просветительной работе. Беседа называлась: «Клятва Гиппократа».

Первая заповедь Гиппократа гласит: «Не навреди».

Так кто же он такой — врач? Точнее, кто им может стать, врачом.

Все мы хорошо знаем, что шесть лет учебы — мало и в то же время — много. То есть, знакомое положение о том, что врачом может стать каждый, достаточно лишь пройти необходимый академический курс, — не совсем верно. Гиппократ, Авиценна, Пирогов были врачами еще до того, как стали врачами. Поэтому я не верю, что Юдины и Амосовы могут остаться за бортом, как об этом с тревогой пишут журналисты, критикуя несовершенство нынешней системы приема в институты.

Есть очень сочное армянское слово «чакатагир». Переводится оно как «судьба», но буквальный перевод звучит иначе: «то, что написано на лбу». И я уверен: если у человека есть этот самый «чакатагир», если ему, к примеру, суждено открыть нечто подобное закону сохранения веса веществ, то он и сегодня пешком доберется из Архангельска в Москву. Меня волнует другое. Часто можно услышать: «Работа врача — работа творческая». Что ж, в идеале оно, наверное, так и есть. Но вот я читал статью коллеги, который провел обширное исследование. Оказывается, абсолютное большинство врачей одними и теми же препаратами, не прибавляя и не убавляя дозировку, лечат катар верхних дыхательных путей, ангину, грипп, гайморит и еще около десяти заболеваний.

Нас учили: лечат не болезнь, а больного. Я в поликлинике принимал с девяти утра до двенадцати. За три часа мне приходи-

